

К ИСТОРИИ СЛОВ С КОРНЕМ **kostr-* В РУССКОМ И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Работа представлена кафедрой общего и славянского языкознания

Пермского государственного университета.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е. Н. Полякова

В статье предпринимается попытка сравнительного анализа семантики слов с продолжениями праславянского корня **kostr-* в русском и других славянских языках в исторической перспективе. В лексике с корнем **kostr-* условно выделяется несколько семантических групп, в границах которых и выявляются универсальные и частные пути развития семантики.

Ключевые слова: историческая лексикология, семантика, этимология, диалектология.

The author of the article makes an attempt of comparative analysis concerning semantics of words with continuations of the Common Slavic root «**kostr-*» in Russian and other Slavic languages according to the historical perspective view. The whole vocabulary with the «**kostr-*» root is conventionally divided into several semantic groups; universal and particular courses of semantic development are revealed within these group frames.

Key words: historical lexicology, semantics, etymology, dialectology.

В настоящей работе рассматривается история продолжений праславянского корня **kostr-* в русском и других славянских языках. Материалом для исследования послужили данные словарей разных типов: двуязычных, толковых, диалектных, этимологических, исторических и др.

Согласно Этимологическому словарю славянских языков (ЭССЯ) праслав. **kostra* является словом с двойной мотивацией: со стороны глагола **česati* и со стороны существительного **kostь* [7, с. 160]. Можно рассматривать данное слово либо как производное от **česati*

(**kesati*) ‘чесать’ > **kostra* ‘начесанное’ [5, с. 83–85], либо как суффиксальное образование от **kostь* > **kostra* [7, с. 159]. Оба варианта этимологизации имеют право на существование, однако хотелось бы внести некоторую ясность в историю возникновения слов **kostь* и **kostra* и их связи с **česati*.

Славянское название кости — **kostь*, по всей видимости, восходит к глагольному корню **kes-*, исходным значением которого было ‘резать, бить, колоть’ [1, с. 196, 235]. А. С. Мельничук реконструирует для **kes-* применительно к **kostь* значение ‘рубить, убивать’, а для самого производного **kostь* — первоначальное значение ‘тело убитого, труп’ [1, с. 235].

Однако в ЭССЯ содержится иная реконструкция: «Лексическая инновация **kosto-*, **kostь* как обозначение кости имела экспрессивный характер: кость названа как то, чем размахивают, семантика **česati* ‘проводить, касаясь’ это позволяла, ср. такую близкую аналогию, как русск. *молот*» [7, с. 171].

На наш взгляд, слово **kostь* образовалось в праславянском языке как существительное со значением результата действия от глагола **česati* (**kesati*), который в ту пору имел семантику резкого, интенсивного действия ‘бить, колоть, отделяя части от целого’. За словом **kostь*, таким образом, закрепилось значение ‘части, отделенные от целого’, отсюда развились значения ‘твердая часть тела человека или туши животного’, а также ‘мелкие частицы стебля льна или конопли, превращающиеся в отходы при трепании, чесании’. О наличии у **kostь* изначально значения ‘льняная костра’ свидетельствуют такие слова, как польск. диал. *kość* ‘льняная кострика’, русск. диал. (пск.) *кость* ‘льняная костра’. Впоследствии (еще в праславянский период) от **kostь* возникло новообразование **kostra*, возможно, со значением множественности, как собирательное су-

ществительное. О том, что расширитель *-r-* в корне **kost-* возник в праславянскую эпоху, говорят данные большинства славянских языков, где наименования льняной костры содержат в себе корень **kost-*: польск. *kostra*, *kostrzyca*, чеш. *kostra*, *kostřava*.

В русских народных говорах наряду со словами *кострика*, *кострица*, *костерь*, *костеря* употребляются и такие слова, как *костига*, *костина*, *костуца*, *костика*, имеющие в своем составе корень *кост-*. Однако есть все основания утверждать, что это скорее вторичные (возникшие уже в русском языке) по отношению к *костра* варианты, нежели исходные формы. Маловероятно образование вроде *кострика* < *костика* с помощью гипотетического суффикса *-р-* в поздний период — хотя бы в силу действия принципа экономии произносительных усилий, — кроме того, в этом случае формант *-р-* не приносил бы никакого дополнительного смысла.

Итак, исходным значением праслав. **kostra* было ‘жесткие частицы льна или конопли, превращающиеся в отходы при трепании, чесании’, это значение сохранилось и по сей день в большинстве славянских языках (рус. *костра*, диал. *кострика*, *кострица*, *костеря*, *костерь*, укр. *кістриця*, *костриця*, блр. *кастрыца*, польск. *kostra*, *kostrzyca*, чеш. *kostra*, *kostřava*). Непосредственно от слов со значением ‘льняная костра’ образовались такие слова, как русск. *кострожь* (*кострюшь*, *коструи*, *кострыж*, *кострыш* и т. п.) ‘грубое сукно’ (т. е. сукно с невычесанной кострой): *Сокольникъ... възьлѣ къ великому государю въ Преображенское... 35 аришин сукна кострожи кропивного цвѣту; А сносу, государь, живота моего възьлѣ... 2 ко(ф)тана суконных, лазорев, а другой голуб, костреш, да шубу большую баранью* [3, с. 370]; *Городицкои покупки пуд лоскутья кострошиного цена три рубли; Япанча костришина*

темно-синяя аглинская; Принято... 10 шапок *кострыниного* сукна с овчинными пуха [3, с. 371]; сербохорв. *ко́стрѐт* 'козья шерсть' (по-видимому, изначально – немытая шерсть, содержащая в себе частицы сора); блр. *кастрычнік* 'октябрь' (калька с польского *październik* 'октябрь' – месяц, когда треплют лен и всюду летит кострика (*paździera*)).

Кроме того, возникло множество новых слов с продолжениями праслав. **kostr-*, имеющих иные значения.

Дальнейшее семантическое развитие продолжения праслав. **kostr-* в русском и других славянских языках зависело во многом от того, какие именно слова (продолжения **česati* или продолжения **kostь*) оказывали большее влияние на ту или иную корневую группу. Так, например, в чешском и словацком языках на дальнейшее развитие лексики с корнем **kostr-* оказало большее влияние слово **kostь* 'часть скелета человека или животного', что обусловило возникновение чеш. *kostra* 'скелет, костяк', 'каркас, станина', *kostroun* 'что-либо торчащее вверх, неотесанная ель, сооружение для сушки клевера', 'скелет' (шутливо о худом человеке), словацк. *kostra* 'скелет, каркас', *kostruka* 'киль оципанного пера', *kostrnok* 'ствол' и даже *kostroviti* 'основной, общий', *kostrovito* 'в общих чертах'. Однако наряду со словами, близкими к **kostь*, в этих языках фиксируются и слова, семантика которых в большей степени связана с **kostra*: чеш. *kostrba* 'взъерошенная голова', *kostrbaty* 'корявый, шершавый', словацк. *kostrbatost* 'неровность'.

В целом в лексике славянских языков с продолжениями праслав. **kostr-* можно выделить несколько общих семантических групп: 1) названия растений и их частей; 2) названия рыб; 3) названия людей и свойств их характера.

К наименованиям растений относятся рус. *костер* 'Bromus, растение семейства злаковых', рус. диал. *костер*

'растение Phragmites Communis, тростник', *костера* 'растение Apera Adans, метлица' [2, с. 72], *костерь*, *костеря* 'растение Festuca elatior, луговая овсяница', *костерьма* 'солома' и др. Укр. *костриця* и блр. *кастрыца*, как и польск. *kostrzewa*, словацк. *kostrava*, сербохорв. *кострба*, относятся к названиям овсяницы, болг. *кострыва* – название лисехвостника лугового, Alopecurus pratensis. У всех растений, называемых словами с корнем **kostr-*, есть общий отличительный признак – наличие соцветия-метелки, что позволяет нам говорить о том, что возникновение у слов с продолжениями праслав. **kostr-* указанных значений связано с переносом наименований жестких частиц льна на семена сорных растений, попадающиеся во ржи (ср. рус. диал. *костра* 'мелкие зерна ржи, которые остаются при просеивании', *костеристая* (рожь) 'с примесью сорной травы Bromus', *костериха* 'каша из ржаной крупы'), а далее – на сорные растения с соцветием-метелкой. Среди названий растений с корнем *костр-* особняком стоят русские диалектные наименования крапивы – *кострива*, *кострыка*, возникновение которых связано, вероятно, с наименованиями колючих частиц прядильных растений (на основе семы 'колоть').

К числу названий рыб с продолжениями праслав. **kostr-* относятся сербохорв. *ко́стреш* 'окунь', болг. *костреш* 'окунь', польск. *kostera* 'осетр', *kostryż* 'окунь', укр. *кострыш* 'окунь, ерш', рус. *костера* 'мелкая неполовозрелая стерлядь', *костеря*, *костерка* 'молодой осетр', *кострик* 'ерш'. Возникновение названий окуня и ерша с корнем **kostr-* в южнославянских языках связано с такими словами, как макед. *кострешу се* 'ерошиться, щетиниться, топорщиться', сербохорв. *ко́стреш* 'все взъерошенное, ошетиненное', укр. *кострубатий* 'косматый, взъерошенный, вихрастый', *костричитися* 'ершиться, хорохориться',

чеш. *kostrbaty* ‘корявый, шершавый’, словацк. *kostrbaty* ‘неровный’, польск. *kostropaty* ‘шершавый, шероховатый’, блр. *кастрыбаваты* ‘шершавый, шероховатый’ и др. Эти слова, как нетрудно заметить, восходят все к тому же праслав. **kostra* ‘отходы от трепания льна’. Образования вроде болг. *костреж*, сербохорв. *ко̀стреш* ‘окунь’ являются типичным южнославянским элементом [7, с. 160]. Названия молодых и мелких рыб семейства осетровых в русском языке связаны с восприятием такой рыбы, как «сорной», по отношению к крупным особям (ср.: рус. диал. *оческа* ‘мелкий, молодой осетр’), а также с переносом ‘жесткие частицы стебля растений’ > ‘жесткие наружные шипы осетровых рыб’ (с вероятной вторичной мотивацией со стороны слова *кость*): *Костерь* – она нежирная. У ней крупные пластины на боку и сверху; она такая зубистая, что, если, к примеру, ее поймать руками – ладони разрежешь. *Костерь* – это подросток осетра [4, с. 42]. Кроме того, на возникновение номинаций осетровых с корнем *костр-* в русском языке могло оказать влияние созвучие слов *осетр* и *костер* (ср.: ложную этимологию слова *кастрыок* у Фасмера: «*Кастрыок* – “осетр в 15–20 фунтов весом, тогда как название *осетер* применяется к рыбе весом в 1 пуд”, томск. Из приставки *ко-*, *ка-* и *осетер*, буквально “что за осетр”, с суффиксом *-ук*» [6, с. 208]).

Семантическая группа названий людей и свойств их характера в русском языке представлена такими словами, как русск. диал. *костерить* ‘ругать, бранить’, *костеря* ‘неуживчивый, задиристый, бранчливый человек’, ‘несговорчивый, неуступчивый человек’, ‘задира, ругатель’, *костерливый* ‘бранчливый, ворчливый (о человеке)’ [2, с. 73–74].

К этой же группе относятся укр. *кострубатий* ‘косматый, взъерошенный, вихрастый’, *костричитися* ‘ершиться, хорохориться’, *кострубачити* ‘ерошить, косматить’, а также макед. *костреши се* ‘ерошиться, щетиниться, топорщиться’, сербохорв. *ко̀стреш* ‘все взъерошенное, ошетенное’, *ко̀стреба* ‘злая, сварливая баба’, болг. *кастрыя* ‘бранить, ругать, отчитывать’, *кошцева*, *коштрева* ‘вспыльчивый человек’, польск. *kostropaty* ‘шероховатый (например, о языке)’, словацк. *kostrnatý* ‘облезлый’, чеш. *kostrba* ‘взъерошенная голова’. Из перечисленных примеров видно, что лексика с корнем **kostr-* может относиться не только к внешним характеристикам человека (здесь налицо аналогия ‘соцветие-метелка’ > ‘лохматый, взъерошенный’), но и к свойствам его характера (в этом случае мы имеем дело с переносом ‘грубый, засоренный кострикой лен’ > ‘грубый, задиристый, неуживчивый человек’), и даже к поступкам, действиям человека (как в случае с глаголом *костерить*, который в говорах имеет также значение ‘трепать, крошить, сорить’).

Помимо общих и схожих между собой слов в различных славянских языках, разумеется, есть и образования, свойственные лишь одному языку. К таковым относятся, например, уже упомянутые русск. диал. *кострива* ‘крапива’, сербохорв. *ко̀стрѐт* ‘козья шерсть’, макед. диал. *коштерица* ‘вид змеи’, блр. *кастрычнік* ‘октябрь’, словацк. *kostrbaty* ‘ухабистый’ и др.

На основе анализа слов разных славянских языков с продолжениями праслав. **kostr-* можно выделить как универсальные, свойственные всем или большинству языков, так и уникальные, свойственные лишь одному языку (либо одной группе языков) пути семантического развития лексики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мельничук А. С. Корень **kes-* и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков // Этимология. 1966. М.: Наука, 1968. С. 194–240.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2. Словарь русских народных говоров. Вып. 15. Л.: Наука, 1979. 400 с.
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М.: Наука, 1980. 404 с.
4. Словарь рыбаков и охотников Северного Приангарья / Сост. В. И. Петрович. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1994. 120 с.
5. *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М.: Наука, 1966. 416 с.
6. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.
7. Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд). Вып. 11. М.: Наука, 1984. 220 с.